

«Если вы есть — будьте первыми,
Первыми, кем бы вы ни были...»

Р. И. Рождественский

Потомки рода Чадаевых покоятся на тульском Всехсвятском кладбище. Они — из тульских дворян, и об этом никто не знает...

Патриот в настоящем, не извращенном довлеющей военной идеологией значении,— это не тот, кто расхваливает все родненькое и взамен того, чтобы превратить «черненьких» (выражение М. Горького) в «беленьких», делает вид, что любит «черненьких». Патриот — не тот, кто прославляет отечество по поводу и без, а тот, кто не страшится истин.

Патриоты в России чаще происходили из приезжих («выезжих») родов, чем от сохи. Потому что «выезжие» много повидали, у них накопилось больше опыта, поэтому они заметно отличались от тех, что выцарапали себе дворянство аферами и способом Максим-Петровича. Они наследовали от предков работу мысли, энергетику, а итогом стала определяющая роль в развитии культуры и производства. В данном случае я говорю о трех династиях, связанных принадлежностью к тульской земле, родством, знакомствами. Это Чадаевы, Непенины и графская ветвь рода Толстых.

«В “Родословной книге князей и дворян российских и выезжих”, называемой также “Бархатной книгой”, записано: “Чадаевы. Выехали из Литвы. Название получили от одного из потомков выехавшего и прозвавшегося Чадай, но почему, неизвестно”. В поколенной росписи дворян Чадаевых родоначальником назван “Левкой прозвище Суббота”...» [1, с. 5]. Пррапрадед декабриста, публициста-философа Петра Яковлевича Чадаева (27.5(7.6).1794—14(26).4.1856), Иван Артемьевич Чадаев всю жизнь старался расширять владения, и в результате они от наследственных деревень Арзамасского уезда куда только не протянулись, вплоть до Тульской губернии. Но тут есть загвоздка. В 2002 я консультировался в Московском дворянском собрании, где же именно располагались имения Чадаевых «у нас», и услышал лишь: «Да, Чадаевы были тульскими помещиками, но все надо уточнять, а ушедшее в историю землевладение сегодня никого не интересует». Это правда. В последние годы тульскую культурную «элиту» охватил усадебный эпатаж, написали три тяжелых (во всех смыслах) тома, и ничего нового в них нет. По истории помещиков обратиться не к кому. Современные кропатели диссертаций помешались на войне, а девятнадцатый век лег в могилу вместе с Н. Я. Эйдельманом.

Если отправляться, как и следует, от слова, от имени и не спрашивать историков, 90 % которых не интересует семантика, то любой филолог засомневается в этой литовской привязке. Слабой зацепкой может показаться лишь удвоенное «а» (Чадаев), но это ближе к эstonскому языку, а выходцев из Эстонии я что-то даже в самых похабных, заказных родословных изводах не вижу. Везде Литва, а литовский язык — чути ли не славянский санскрит. Кто им владеет, тот разберется в основах восточно-

славянской этимологии. Так что ангажированные писарчуки — составители всяких «Бархатных книг» — пусть себе спокойно вертятся в аду за сотовренные лжесвидетельства, а мы будем апеллировать исключительно к ученому миру. Интуиция подтвердила мои предположения после обращения к трудам академика С. Б. Веселовского, весьма, кстати, скромного человека, всегда опасавшегося кумиризации и чужой, и собственной. Природа, помимо исторического, дала ему языковое чутье, это редчайший случай для историков, а паче того — археологов. От позиции «Чаадаев» Степан Борисович немедленно отсылает читателя к Чегодаевым (вот это и радует логикой): «Чегодай (Чеадай, Чаадай, Чеодай) Василий Васильевич Матвеев, вторая половина XV в.; сп. недалеко от Мурома его вотчина — село Чегодаево; от него — Чегодаевы, позже Чеадаевы и Чаадаевы <...>. Чегодай — собственное имя (татар.); русская форма — Джагатай [Ср. Чагадаев]» [2]. Вот как: Джагатай! Полная Литва, безбрежная и безусловная (как чуть далее то же будет с Толстыми). Следовательно, не зря «Бархатную книгу» как «шедевр» русского источниковедения до сих пор никому неохота переиздавать.

Борис Генрихович (на титулах: Б.-О.) Унбегаун в главе «Фамилии тюркского происхождения» тоже вложил лепту о Чаадаевых с использованием транскрипции: «Чаадаев, Чадаев, Чегодай < Čayataj, тюркский племенной союз, названный по второму сыну Чингиз-Хана < čayatāj ‘белесый’>» [3]. Это ближе к Веселовскому, а значит, и к истине, ибо основано на лингвоанализе.

Если здесь же не забывать и о татарских князьях Чегодаевых (которых за неимением доказательств невозможно притянуть к роду Чаадаевых), то они, по меньшей мере, в языковом отношении имеют право сосуществовать с нашими героями в филологических изысканиях как жители Руси с 1524 [4], то есть на век позже лица, указанного Веселовским. Причем татарские князья ведут происхождение «от князя Хозяши Чегодаева, сына Саканского (Соканского)» [Там же]. Из этой династии Анна Яковлевна Чегодаева, бывшая за Феодосием Ивановичем Ахматовым, приходилась родной бабкой Анне Егоровне Мотовиловой, которая обвенчалась с полицаем-мемуаристом Эразмом Ивановичем Стоговым и стала бабкой Анны Андреевны Ахматовой. Вот куда ведут генеалогические тоннели. Только неясно, имела ли отношение А. Я. Чегодаева к этому поволжскому княжескому роду.

И в заключение этимологической темы добавим соображения еще двух отечественных исследователей. В них, несмотря на частичное дублирование уже приведенных версий, есть любопытные дополнения, но главное для настоящего контекста — упоминание Тулы (общий курсив опущу вследствие внутреннего): «ЧААДАЕВ. Чегодаев. Отчество от нецерковного мужского личного имени Чегодай, в русском произношении также и Чаадай: в г. Невеле <Вот откуда Литва-то!— М. М.> воевода Чаадай Спешнев (1633); помещик Чегодай Ожерельев (1507). Имя монгольского происхождения, его носил один из сыновей Чингисхана, он получил во владение огромную территорию, население которой называли чегодай (фонетический вариант — чагатаи), само имя из этонима. Фамилия существует в Воронеже, Калуге, Туле, Владимире, а в форме Чадаев — в Рязани, Орле (и области) [5]. Сильнейшим подтверждением хождения формы Чадаев является наличие ее на табличках уже упомянутых могил на Всехсвятском: там простоялено «Чадаевы».

И второе. Вновь-таки с отсылкой от «Чаадаева» к «Чегодаеву» (также снимаю общий курсив): «ЧЕГОДАЕВ. Чегодай — из тюркского имени Чагатай (от названия племени). Так звали, в частности, второго сына Чингисхана. Фамилия Чегодаев иногда изменялась в Чаадаев, Чадаев» [6]. Таким образом, все ученые солидарны в последовательной связи двух основных вариантов: Чегодаевы → Чадаевы. Единственная оговорка, которую я позволю себе сделать исходя из сопоставлений и историче-

ских реалий, требует не во всем доверять этим авторам, так как во многих других случаях замечаются нелепые, буквально народные, сказочные толкования.

Переходя от этимологии фамильных прозвищ к личностям, мы вряд ли почувствуем большую разницу между этими темами. Общая генеалогия Чаадаевых только кажется компактной и «легкой». На самом деле она «рваная», с ней толком никто не работал (в этом можно убедиться на примере родства с Непениными). Происхождение от буйных татар (про литовцев больше не надо) дало удивительные плоды. Так называемый сумасшедший философ П. Я. Чаадаев, коего советские дилетанты от словесности объявили прототипом А. А. Чацкого (на самом деле этим прототипом была историческая личность — депутат польского сейма с той же фамилией Чацкий), поневоле «наследовал» участь собственного деда. Родной дядя П. Я. Чаадаева Иван Петрович Чаадаев участвовал в комиссии о составлении нового Уложения (что-то вроде общегосударственного устава, но не конституции в современном значении) и остервенело вместе с историком кн. М. М. Щербатовым защищал там права дворянства, требуя аннулировать петровские законы, «в которых стиралась грань между родовитым и чиновным дворянством» [1, с. 8]. В противовес «здравомыслящему» И. П. Чаадаеву история зафиксировала «сумасшествие» деда Петра Яковлевича — капитана лейб-гвардии Семеновского полка Петра Васильевича Чаадаева (1720—1793). Со ссылкой на записки Екатерины II биограф П. Я. Чаадаева указывает, что П. В. Чаадаев в 1743, после какой-то неудачной ревизии о числе душ, возомнил себя персидским шахом, был насильно помещен в лечебницу и в присутствии Елизаветы Петровны прошел процедуру «изгнания злого духа» столичными попами, но мания величия у него не прошла. Зная, как пишутся подобные «мемуары», как они потом выхолащаются, а главное, ком используются, я могу утверждать, что для фарса с мнимым сумасшествием Петра Яковлевича Чаадаева при Николае I послужили именно тексты «Фелицы» — один из самых неблагонадежных и провокационных литературных источников. Это заслуга царских спецслужб, которые, в противовес современным, отличались начитанностью. А о том, что даже Екатерина II признавала: «...находились сомневавшиеся в сумасшествии Чаадаева, поскольку во всем остальном Петр Васильевич отличался отменным здравомыслием. Ходили слухи, что он притворялся сумасшедшим...» [там же, с. 6], упоминать было политически невыгодно, и эти ее слова пропускались мимо ушей.

Неблагонадежные Чаадаевы пересеклись родством с мелкопоместными дворянами Непениными и графами Толстыми. О первых почти ничего неизвестно. Отрывочные сведения о Непениных собрали псковские историки, выложив их в Сеть. Но прямая связь боевого офицера, члена Союза благоденствия Андрея Григорьевича Непенина (30.11(11.12.)1782, г. Архангельск — 12(24).11.1845, Москва), женатого на Е. Ф. Чаадаевой, с однофамильцами не прослеживается. Поскольку его отец, Григорий Ефимович Непенин (?—1810), который выслужился из солдат до прапорщика, а с декабря 1796 служил коллежским асессором, передал детям право потомственного дворянства, то и Андрей Непенин должен быть так или иначе родственником хотя бы тем же псковским Непениным. Матерью А. Г. Непенина была архангельская купеческая дочь Ульяна Никифоровна, р. Зыкова (?—1832), а собственных детей у него не было. Жена Непенина — тульская дворянка Екатерина Федоровна Чаадаева (7(18).11.1793—23.6(5.7).1869) [7]. Ее братья — Николай Федорович Чаадаев (1782—1816), Михаил Федорович Чаадаев (1789—?), лейтенант Алексей Федорович Чаадаев и Владимир Федорович Чаадаев — чернские помещики (с. Селезневка и с. Успенское, Бобрики тож) и крапивенские (сельцо Михайловское); сестра — Павла Федоровна Чаадаева, замужем за купцом Иваном Афанасиевичем Амосовым. Ни об одном из этих лиц неизвестно более того, что сказано здесь.

В родословной Чаадаевых встречаются два Федора — Федор Васильевич (?—1731) и Федор Петрович (1750—1777), родной дядя «басманного философа» (прозвище П. Я. Чадаева). Но даже если возникает соблазн вообразить этого второго Федора тестем А. Г. Непенина, это вызовет определенные сомнения, ибо в таком случае жена Непенина никак не может являться его дочерью. А третьего Федора нет, поэтому связь и рвется.

Обращаясь к тем же источникам теперь уже за фамилией Непенины, мы ее в этом варианте не находим ни у кого, разве что Веселовский упоминает похожие формы «Непея, Непеин». По своей географии они, действительно, близки к северу, если помнить, что Андрей Григорьевич происходил из Архангельска. У Веселовского: «**Непея, Непенин**: Непея Григорьевич Вологжанин, в посольстве в Англию, 1556 г.; Рудак <...> вотчинник, середина XV в., Кострома» [8]. Позднейшее внедрение «н» в фамилию Непеин вполне возможно. Таким образом, ситуация с этой фамилией намного темнее, чем с Чаадаевыми.

К сожалению, А. Г. Непенин не оставил литературного наследства, да и вообще его род больше связан с военными деятелями (в Сети все есть). И портрет его пока не найден (а может, и не был написан). Но, вплетаясь в паутину дворянского родства, узнаем, что друг В. Ф. Раевского («В чем заключались же вольнодумные мнения, кои старался распространять майор Раевский и за допущение коих в полку вы подверглись наказаниям? — На вольнодумные разговоры майора Раевского с офицерами доносили юнкера в Кишиневе <...> в дивизионной квартире; почему и были офицеры допрашиваны поодиночке корпусным командиром Сабанеевым, и что они показывали, мне неизвестно» [9]), блестящий полковник, герой Отечественной войны, кавалер боевых орденов и Золотой шпаги с надписями Андрей Григорьевич Непенин — едва заметный, но обязательный элемент в диадеме тульской просопографии. С июля 1826 по декабрь 1835 он жил в имении В. Ф. Чаадаева в Локне Крапивенского у. Тульской губ. [7] и помогал упомянутому шурину по хозяйству. Не возникает сомнений, что, доживи он до крестьянских реформ, присоединился бы к энергичному М. М. Нарышкину, который у себя в Высоком начал земельные преобразования еще до Александровских указов. Но с 26 января 1842 Непенин добился права жить в Москве, где через три года какая-то неуказанный хворь свела его в могилу при Покровском монастыре. Туда же затем положили его вдову, но с началом 1920-х дворянские и купеческие захоронения стали мишениями комсомолии, сиречь грабителей, так что могилы Непениных были, судя по всему, разрыты, ограблены и затерялись. Основным мотивом причисления Непенина к неблагонадежным стало всего лишь знакомство с Раевским и какое-то странное, скорее, номинальное участие в Союзе благоденствия. Меня (М. В. Майорова) абсолютно не интересуют конъюнктура и смена политических симпатий, которыми нас прессингуют СМИ. Боязнь декабристов страдают темнейшие, самые невежественные элементы общества, люмпены либо просто трусы (ударение — на выбор читателя). Они точно так же опасаются и сторонятся ученых, необычных художников, архитекторов, диссидентов. На улицах в последние годы появились провокационные «патриотические» плакаты «Забыть — значит предать!», относящиеся исключительно к избранному периоду истории — всем известно какому, а именно тому, который удобен политическим спекулянтам. Но такие же попытки забыть лучших людей девятнадцатого века едва ли не приветствуются. По меньшей мере, не пресекаются. Но эту подлую эпоху мы как-нибудь переждем. Биографические справки обо всех участниках оппозиции 1820-х, связанных с тульским краем, вошли в новое издание [10], а исследования будут продолжаться, невзирая на то, что тема истинного и ложного патриотизма давно убрана из школьной программы.

Вернемся к началу статьи и оттолкнемся вновь от Чаадаевых. Предки иной раз

оказываются знакомыми нам больше, чем потомки. Прадед философа Василий Иванович Чаадаев (1715—25.3(5.4).1756) был женат на княжне Анастасии Ивановне Волконской (?—1735), а их сын Петр Васильевич — на графине Марии Ивановне Толстой (6(17).1.1720—4(15).1.1743) Ее отец ни за что пострадал при Петре II: был сослан на север вместе с отцом своим графом Петром Андреевичем Толстым. Это кратковременный министр юстиции (1711) граф Иван Петрович Толстой (1685—7(18).6.1728). Он умер в подземном каземате в полной тьме от голода и холода, но до отъезда успел жениться и оставить сына (графа Андрея по прозвищу «Большое гнездо»), от которого пошло огромное потомство, включая трех самых известных писателей — графов Толстых. Все они, таким образом, отдаленные потомки Чаадаевых. Стоит ли удивляться, что при таком родстве к этой линии Толстых принадлежали самые знаменитые мыслители, оппозиционеры, «отпавшие от святой церкви», а позже — офицеры Белого движения, эмигранты, герои Второй мировой войны и участники «Сопротивления»? Мало того что в каждом текла частица чаадаевской татарской крови, так ведь большинство этих людей тесно связано с тульским краем, о чем знают далеко не все.

Вся литература о происхождении Толстых отталкивается от их же члобитной, на основе которой первый граф Толстой (Петр Андреевич) 30 августа 1725 удостоился диплома: «...прапородитель именем <орфография современная.— М. М.> Гендрих, прошедший из древней благородной и знатной фамилии из Германии, в лето 1532...» и т. д. [11]. Все это чепуха, стоящая внимания разве что подавляющего большинства населения. Ученый мир к большинству не относится, а поэтому никем не опровергнутая ложь всяких «Бархатных книг» и позднейших вставок в них (в том числе в «Никоновскую летопись» насчет даты рождения Тулы) в угоду временщикам считается истиной, которую, скажем просто, неохота разоблачать. Царский генеалог и беллетрист П. Н. Петров не побоялся указать довольно опасное для русской знати восточное происхождение Толстых [12], ибо пресловутый оним Индрик идентичен географическому термину Тенгри (им плотно занимался ориенталист Э. М. Мурзаев [13]). Специально для ответа на вопрос о Толстых Петр Николаевич Петров уделил время медиевистике и разгромил на корню все рассказы об их фламандском происхождении. Он не побоялся самого графа Льва Николаевича, который живо интересовался графами Фламандскими. Да что там Льва? Петров опубликовал свою версию в эпоху всесилия «министра народного помрачения» (Щедрин) графа Дмитрия Андреевича Толстого, и тот... промолчал. Зато много позже нелепую фламандскую теорию возродили кое-какие современные искатели приключений, чтоб за казенный счет побывать в Европах, и с их подачи европейский вариант легко утвердился.

Вот так на тульской земле переплелось родство лучших сынов отечества, не понятых этим отечеством: декабристов, философов, яспополянского бунтаря... Одно дело — демонстрировать оружейный оплот для батюшки-царя, иное — скрывать и прятать бессмертный духовный антипод всем этим официальным «оплотам».

Источники:

1. Б. Н. Тарасов. Чаадаев.— М.: Мол. Гвардия, 1990.— (ЖЗЛ).
2. С. Б. Веселовский. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии.— М.: Наука, 1979.— С. 348.
3. Б.-О. Унбегаун. Русские фамилии / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. Б. А. Успенского.— Изд. 2-е, испр.— М.: Изд. группа «Прогресс», 1995.— С. 293.
4. Князья Чегодаевы (Чагадаевы) // Дворянские роды Российской империи: Т. III: Князья / Под ред. С. В. Думина.— М.: Ликоминвест, 1996.— С. 194—196.
5. В. А. Никонов. Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крущельницкий.— М.: «Школа-Пресс», 1993.— С. 153.

6. Ю. А. Федосюк. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь.— 3-е изд., испр. и доп.— М.: Русские словари, 1996.— С. 243.
7. Декабристы: биографический справочник / Изд. подг. С. В. Мироненко; под общ. ред. академика М. В. Нечкиной.— М.: Наука, 1988.— С. 128.
8. С. Б. Веселовский. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии.— М.: Наука, 1979.— С. 218.
9. Дело А. Г. Непенина // Восстание декабристов: Документы. Том XX: Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии / Под ред. члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова.— М.: «РОССПЭН», 2001.— С. 205—213.
10. Тульский биографический словарь: новая реальность / Гл. ред. и сост. М. В. Майоров: [В 4 т.].— М.: «Минувшее», 2016—2018.
11. М. В. Майоров. Индрис / Тенгри /Леонтий (ономатологическая версия) // Ономастика. Лингвокраеведение. Методика: Межвузовский сборник научных трудов (к 60-летию Т. В. Майоровой).— Тула: ООО «Астейя Плюс», 2007.— С. 36.
12. П. Н. Петров. История родов русского дворянства: В 2 кн. Кн. 2.— М.: Современник; Лексика, 1991.— С. 157—166.
13. Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов.— Изд. 2-е, перераб. и доп.: В 2-х т. Т. 2: Справочник.— М.: Картгеоцентр—Геодезиздат, 1999.— С. 241—242.